
INTERNATIONAL CONFERENCE ON BUSINESS ECONOMICS, MANAGEMENT, ENGINEERING TECHNOLOGY, MEDICAL AND HEALTH SCIENCES

USA, MORRISVILLE

UDC 330-399
LBC 60

Editors

Natalya Krasnova | Managing director SPO “Professional science”

Yulia Kanaeva | Logistics Project Officer SPO “Professional science”

International Conference on Business Economics, Management, Engineering Technology, Medical and Health Sciences: Conference Proceedings, Jule 30th, 2020, USA, Morrisville. SPO “Professional science”, Lulu Inc., 2020, 41 p.

ISBN 978-1-00526-166-5

Presenters outline their work under the following main themes: education, equality and development, pedagogy, language and culture in education, principles of environmental health, physiology, economics, finance & accounting.

The conference is well attended by representatives from more than 5 universities with participation of higher education institutional policymakers, governmental bodies involved in innovating, deans and directors, educational innovators, university staff and umbrella organizations in higher education.

www.scipro.ru

ISBN 978-1-005-26166-5

UDC 330-399
LBC 60

- © Article writers, 2020
- © Scientific public organization “Professional science”, 2020
- © Publisher: Lulu, Inc., USA,

TABLE OF CONTENTS

SECTION 1. BUSINESS, REGIONAL STUDIES AND LAW	4
ANDREEVA G.N. NORMATIVE SUPPORT OF THE COMPLEX EPIDEMIOLOGICAL SITUATION IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF THE ECONOMIC CONSTITUTION.....	4
DEMYANOV V. G. STATE SUPPORT OF ENTREPRENEURSHIP IN THE OMSK REGION	14
SECTION 2. ECONOMICS, FINANCE & ACCOUNTING	23
IVASCHENKO N.S. TYPES, STAGES AND LEVELS OF CORPORATE CULTURE FORMATION	23
KALINSKAYA Y.S. CURRENT TRENDS IN INTERNATIONAL CREDIT RELATIONS IN RUSSIA.	29
SECTION 3. SOCIAL JUSTICE AND SOCIOLOGY	32
FEDOROV A.A. INNOVATIVE ELEMENTS OF THE THEATER'S LANGUAGE IN THE MATERIALS OF THE PERFORMANCES BY EVGENIY BAGRATIONOVICH VAKHTANGOV.....	32

SECTION 1. BUSINESS, REGIONAL STUDIES AND LAW

UDC 342.417

Andreeva G.N. Normative support of the complex epidemiological situation in Russia in the context of the economic constitution

Нормативное сопровождение сложной эпидемиологической обстановки в России в контексте экономической конституции

Andreeva Galina Nikolaevna,
PhD (Law), Leading researcher,
Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN)
Андреева Галина Николаевна,
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт научной информации
по общественным наукам РАН,

Abstract. *The article examines the new challenges with pandemics in the context of globalization. It is shown the need to update the legal regulation of situations of a complex epidemiological situation in Russia, taking into account experience, the adoption of regulatory acts during the pandemic COVID-19 and the need to ensure the principles of the economic constitution.*

Keywords: *complex epidemiological situation, pandemic, normative regulation, economic constitution*

Аннотация. *В статье анализируются новые вызовы, связанные с пандемиями в условиях глобализации. Показана необходимость обновления правового регулирования ситуаций сложной эпидемиологической обстановки в России с учетом опыта, принятия нормативных актов во время пандемии COVID-19 и необходимости обеспечения принципов экономической конституции.*

Ключевые слова: *сложная эпидемиологическая обстановка, пандемия, нормативное регулирование, экономическая конституция*

Сложная эпидемиологическая обстановка в своей крайней и наиболее опасной для выживания человечества форме в виде эпидемий и особенно пандемий является одной из постоянных реалий существования человечества. Их серьезное и подчас «поворотное» воздействие на человеческое общество является предметом изучения различных научных дисциплин, которые достигли значительных успехов в понимании данного явления и его влияния на социальную жизнь человечества. На основе углубленных исследований, проведенных медиевистами, антропологами, биологами, историками медицины признается, что, например, печально знаменитая эпидемия чумы XIV в. [4, с. 50], приведшая к демографической катастрофе (погибло почти две трети населения Европы) как общественное

явление стала одним из эпицентров мировой истории, радикально изменившим ее ход [4, с. 54]. Историки обоснованно предполагают, что эта пандемия поставила Западную Европу перед сложнейшими проблемами, «решение которых привело к радикальной трансформации феодального общества в новоевропейское», «знаменует конец средневековья и начало нового времени» [4, с. 54]. В российских исследованиях прослеживается связь между этой пандемией и возвышением Москвы, в которой эпидемиологическая обстановка оказалась более благоприятной, чем в других русских землях [3, с. 5]. В наши дни также было несколько пандемий: в XX в. пандемия заболевания известного как «испанка» (была вызвана вирусом гриппа H1N1) привела к смерти примерно 40 млн. человек. XXI в. принес ряд новых вирусных заболеваний (пандемии гриппа 2009–2010 гг. вспышке атипичной пневмонии в 2003 г., и др.) [11, с. 5].

С этой точки зрения выработка адекватной реакции национальных государств и ее правовое оформление является важной составной частью современной правовой политики любого современного государства, а как средство интеграции найденных решений проблемы борьбы с пандемиями в мировом масштабе также и для наднациональных образований и международных организаций. К сожалению, наднациональные программы борьбы с пандемиями далеко не всегда являются реально эффективными, что показала, например, Программы ликвидации натуральной оспы в глобальном масштабе, провозглашенная ВОЗ в 1959 г., которая «на первом ее этапе сводилась к массовой вакцинации населения. Но в реальных условиях ликвидации оспы в развивающихся странах использование только массовых прививок оказалось недостаточным» [8, с. 80]. Впоследствии краеугольным камнем стратегии борьбы с эпидемией оспы была признана роль эпидемиологического надзора [8, с. 80]. Однако эффективность применения только этого опыта к другим пандемиям проблематична. Глобализация распространения высокопатогенных вирусов и других патогенных организмов способствует повышению роли международных организаций, прежде всего ВОЗ, приданию большей значимости координации этой организацией действий учреждений здравоохранения разных стран и выработке ею единых рекомендаций на основе обобщения мирового массива информации, вместе с тем ответы на новые вызовы требуют вовлечения все новых участников в борьбу с пандемиями и создания дополнительных специализированных государственных органов.

С одной стороны появляются новые типы пандемий, способные уничтожить человечество, а прежние пандемии трансформируются, соответственно, считавшимися ранее эффективными социальные меры становятся подчас неэффективными [9, с. 23] и требуются новые специальные мероприятия и решения.

С другой стороны в отношении вызывающих пандемии патогенных организмов известно по сравнению с их разнообразием, способностью к трансформации и

взаимодействию с человеческим организмом несоизмеримо мало, при этом в проблематике борьбы с пандемиями присутствует и такой аспект как взаимосвязанная проблема выживаемости и эволюции человечества как вида. Как отмечают микробиолог М.В. Супотницкий «для борьбы с нециклическими пандемическими процессами... не могут быть применены противоэпидемические мероприятия, предназначенные для противодействия самоограничивающимся циклическим моноэпидемиям и монопандемиям. Разработка стратегии борьбы с ними – уникальная, не имеющая аналогов в истории медицины задача. Да и сами ретровирусы дали нам как биологическому виду важный шанс на выживание – способность мыслить, так как и мыслительная деятельность человека обусловлена функционированием в его мозге отдельных HERV» [9, с. 22-23].

Таким образом в идеале нормативное регулирование сложной эпидемиологической обстановки должно учитывать указанные выше моменты и вместе с тем быть гибким, позволяющим государственным органам эффективно действовать и в случае трансформации пандемий или принципиально новых пандемий, применяя методы, близкие к методам МЧС, но при этом находить баланс с конституционным регулированием различных сфер жизни государства и соблюдением прав человека.

Сложная эпидемиологическая обстановка, характерная для пандемий, серьезно отражается на функционировании государства и национальной экономики. С точки зрения обеспечения экономической конституции государства ситуация пандемии заставляет государственные органы действовать таким образом, чтобы минимизировать негативные последствия необходимой изоляции значительного числа работников, остановку производств и в целом изменение масштабов хозяйственной деятельности. Эти усилия находят выражение в различных нормативных актах и, вместе с тем, неизбежно затрагивают конституционное регулирование экономических отношений. Концепция экономической конституции предполагает комплексную оценку взаимосвязей регулирования различных экономических отношений в контексте соответствия положениям национальной конституции, поэтому она является наиболее инструментальной применительно к оценке нормативного регулирования экономической сфере в сложной эпидемиологической обстановке.

Акты, регулирующие общественные отношения в ситуации сложной эпидемиологической обстановки, с точки зрения времени принятия и срока действия можно разделить на две группы: акты, регулирующие сферу здравоохранения и обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения в целом и как ее частный случай ситуацию эпидемии (пандемии) и акты, изданные во время конкретной эпидемии (пандемии) для предотвращения/ компенсации ее последствий.

В Российской Федерации существует целый ряд нормативных актов, которые можно отнести к первой группе: прежде всего это Основы законодательства Российской Федерации об

охране здоровья граждан от 22 июля 1993 г. N 5487-1 и Федеральный закон О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения от 30 марта 1999 г. N 52-ФЗ.

В Основах законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 г. N 5487-1 меры противоэпидемического характера рассматриваются как составная часть мер по охране здоровья (ст. 1 Основ), что соответствует назначению данного акта. К ведению Российской Федерации отнесена организация государственной санитарно-эпидемиологической службы Российской Федерации и обеспечение государственного санитарно-эпидемиологического надзора (п. 8 ст. 5 Основ), что также, по нашему мнению, соответствует, масштабам описанных выше проблем, связанных с эпидемиями (пандемиями). К ведению республик в составе Российской Федерации, автономной области, автономных округов, краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга, а также органов местного самоуправления отнесено обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия и условий для осуществления государственного санитарно – эпидемиологического надзора на подведомственной территории и осуществление профилактических, санитарно - гигиенических, противоэпидемических и природоохранных мер на соответствующей территории (п. 9 ст. 6, п. 10 ст.7, п. 5 ст.8 Основ).

В ст. 11 Основ содержится положение о том, что санитарно-эпидемиологическое благополучие населения «обеспечивается проведением государственными органами, предприятиями, учреждениями, организациями, общественными объединениями и гражданами гигиенических и противоэпидемических мероприятий, соблюдением санитарных правил, норм и гигиенических нормативов, системой государственного санитарно - эпидемиологического надзора, а также комплексом других организационных, правовых и экономических мер в соответствии с санитарным законодательством Российской Федерации». Таким образом, с одной стороны, хозяйствующие субъекты также вовлечены в противоэпидемическую деятельность, с другой стороны, согласно данному положению имеется отсылка к санитарному законодательству Российской Федерации, в котором эти нормы получили дальнейшую конкретизацию. Статья 12 Основ устанавливает, что в государственную систему здравоохранения входит такой специализированный орган как Государственный комитет санитарно-эпидемиологического надзора Российской Федерации. Статья 20 этого акта, устанавливающая право граждан на медико-социальную помощь, содержит положение о том, что «работающие граждане имеют право на пособие при карантине в случае отстранения их от работы санитарно-эпидемиологической службой вследствие заразного заболевания лиц, окружавших их». Ряд статей Основ о гарантиях прямо корреспондируют с положениями Конституции о правах человека (ст. 34, 38).

Федеральный закон О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения от 30 марта 1999 г. N 52-ФЗ содержит в ст. 1 определения ряда понятий, в том числе понятий

эпидемии, санитарно-эпидемиологического благополучия населения и карантина, важные для оценки других актов, регулирующих данную сферу. В соответствии со ст. 1 данного федерального закона инфекционные заболевания, представляющие опасность для окружающих, – это инфекционные заболевания человека, характеризующиеся тяжелым течением, высоким уровнем смертности и инвалидности, быстрым распространением среди населения (эпидемия). В соответствии с этой статьей карантин определяется следующим образом: «Ограничительные мероприятия (карантин) - административные, медико-санитарные, ветеринарные и иные меры, направленные на предотвращение распространения инфекционных заболеваний и предусматривающие особый режим хозяйственной и иной деятельности, ограничение передвижения населения, транспортных средств, грузов, товаров и животных». Таким образом, во время карантина как совокупности ограничительных мероприятий устанавливается особый режим хозяйственной деятельности, соответственно и меняется характер функционирования экономики страны (региона, населенного пункта). Согласно ст. 9 Основ индивидуальные предприниматели и юридические лица имеют право «на возмещение в полном объеме вреда, причиненного их имуществу вследствие нарушения гражданами, другими индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами санитарного законодательства, а также при осуществлении санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий, в порядке, установленном законодательством Российской Федерации». Хотя в данном акте достаточно детально урегулированы меры и полномочия соответствующих органов по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения, как представляется недостатком приведенных федеральных законов является смешение в них стандартной ситуации в области здравоохранения и сложной эпидемиологической обстановки в случае эпидемий и пандемий, когда экономическая деятельность может быть в значительной мере парализована в результате государственных мер по предотвращению распространения инфекционного заболевания, вызвавшего эпидемию (пандемию). Соответственно и характер и масштабы предпринимаемых мер должны быть другими и урегулированы соответствующим образом. Именно в силу данного обстоятельства строгие карантинные мероприятия в масштабах не только всей страны, в том числе Российской Федерации, но и региона применить практически невозможно. Поэтому на практике применялись выборочные ограничительные меры, правовое регулирование которых осуществлялось методом оперативного приспособления к обстановке.

Также другой масштаб и значимость приобретает в данной, подчас экстренной ситуации, вопрос о соблюдении прав человека, урегулированных в заключенных Российской Федерацией международных актах, а также держащихся в соответствующих конституционных положениях. В литературе было отмечено в частности, что оказание медицинской помощи без

согласия граждан или согласия их законных представителей, связанное с проведением противоэпидемических мероприятий, не имеет четкой и однозначной регламентации [2].

Федеральным законом О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера от 21.12.1994 N 68-ФЗ предусмотрено, что «чрезвычайная ситуация – это обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, распространения *заболевания*, представляющего опасность для окружающих, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей» (ст. 1). Это положение позволяет распространить на ситуацию эпидемии (пандемии) меры, предусмотренные данным законом, в частности для хозяйственных организаций важно признание ситуации непреодолимой силы (форс-мажор), что во время пандемии было осуществлено в отношении ряда регионов (Указ Мэра Москвы от 05.03.2020 N 12-УМ, Постановление Губернатора Московской области от 12.03.2020 N 108-ПГ, Постановление правительства Ленинградской области от 13.03. 2020 N 117, Распоряжение Правительства Республики Бурятия от 07.02. 2020 N 72-р и Указ Главы Республики Бурятия от 13.03. 2020 N 37 и др.). Тем не менее, это было признано не во всех субъектах, охваченных пандемией. Как представляется, это также является следствием того, что вопрос о признании субъектами РФ обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор) в соответствии с п. 3 ст. 401 ГК не является урегулированным однозначно [7, с. 98].

В данную группу актов, действие которых не привязано к конкретной эпидемии (пандемии) следует отнести Постановление Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. N 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих», Приказ Минздрава РФ от 2 июля 1999 г. N 263 «О введении в действие Перечня инфекционных заболеваний, требующих проведения мероприятий по санитарной охране территории Российской Федерации, другие подзаконные акты. Для обеспечения их соответствия Конституции Российской Федерации и вместе с тем меняющимся условиям, вытекающим из появления новых инфекций, которые вызывают инфекционные заболевания, необходимо достаточно мобильное их обновление, прежде всего, с точки зрения включения в Перечень соответствующих новых заболеваний, поскольку в противном случае во время сложной эпидемиологической ситуации, вызванной новой инфекцией, возникает «разрыв» в правовом регулировании. Как обоснованно отмечается в литературе, «анализ данных о распространенности инфекционных заболеваний в мире показывает, что перечень заболеваний, опасных для окружающих, не может быть исчерпывающим. В различных странах в разные периоды возникают вспышки различных

инфекционных заболеваний, характеризующихся быстрым распространением среди населения и тяжелым течением» [1].

Ко второй группе актов, как отмечено выше, относятся акты, принимаемые во время конкретной эпидемии (пандемии). Так, к настоящему времени по поводу эпидемии COVID-19 в России принята целая серия таких актов, направленных на урегулирование общественных отношений и рассчитанная именно на условия и ситуацию данной пандемии. Они представлены на специальной официальной странице сайта стопкоронавирус.рф¹. К их числу относятся такие акты как: Указ Президента РФ от 02.04.2020 N 239 О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19); Указ Президента РФ от 11.05.2020 N 316 Об определении порядка продления действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в субъектах Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19), Постановление Правительства Российской Федерации о возврате денег за отмененные туры от 20 июля 2020 г. № 1073, Постановление Правительства Российской Федерации о поддержке предприятий электронной промышленности от 16 июля 2020 г., Распоряжение Правительства Российской Федерации о выделении Росморречфлоту 320 млн руб. субсидий от 10 июля 2020 № 1793 и др.

С точки зрения регулирования экономических отношений можно выделить несколько групп актов, которые затрагивают различные стороны экономической конституции России:

1) акты, устанавливающие различные общие меры поддержки всех организаций независимо от размеров, форм собственности и т.д. (перенос сроков отчетности, экономия на авансовых платежах по налогу за прибыль, сокращение проверок, освобождение от оплаты штрафов и отсрочки по ним, увеличение авансов по госконтрактам и др.);

2) акты, устанавливающие меры поддержки малого и среднего бизнеса, застройщиков, автоперевозчиков, общепита, розничной торговли, туроператоров;

3) акты, устанавливающие меры поддержки для организаций из пострадавших отраслей.

Установление общих мер поддержки для всех организаций, с одной стороны, соответствует содержащемуся в ст. 8 Конституции Российской Федерации принципу равной защиты всех форм собственности, с другой стороны, достаточно очевидно, что вводимые меры для обеспечения ими равной степени защиты для предприятий различных отраслей промышленности и сфер экономики должны быть дополнены дифференцированной поддержкой в зависимости от степени защищенности того или иного вида бизнеса и возможности его полноценного или ограниченного функционирования в условиях карантинных

¹ URL: <https://xn--80aesfpebagmfb1c0a.xn--p1ai/info/ofdoc/> (Дата обращения 29.07.2020)

мер, что и было, как мы видим, осуществлено в виде поддержки предприятий малого и среднего бизнеса, некоторых других категорий предприятий и организаций из пострадавших отраслей. Однако с точки зрения экономической конституции, обеспечивающей целостное регулирование национальной экономики на основе общих конституционных принципов, остается целый ряд вопросов.

Во-первых, принятые меры по предотвращению распространения пандемии не имеют четкой законодательной основы в силу вышеописанных особенностей регулирования сложной эпидемиологической обстановки. Правовое регулирование эпидемий в федеральных законах не разграничены с пандемиями, а меры по предотвращению их распространения не дифференцированы, хотя масштабы воздействия на общество и экономику, а также характер принимаемых мер очевидным образом должны различаться. Соответственно, соблюдение экономических прав и пределы их ограничений также должны быть дифференцированы. Из регулирование в федеральных законах целесообразно выделять в отдельные главы.

Во-вторых, предпринимаемые меры поддержки бизнеса не должны нарушать конституционный принцип равной поддержки всех форм собственности. Однако в ситуации, когда, например, арендатор должен платить аренду арендодателю (даже частично) в условиях невозможности ведения бизнеса и получения доходов, вряд ли можно говорить о равном распределении налогового бремени. В праве должна быть выстроена цепочка равного распределения бремени на всех участников экономических отношений.

В-третьих, пандемия выявила лакуны в правовом регулировании, относящиеся не только к собственно регулированию общественных отношений, но и применительно к соотношению актов разных уровней с конституционными нормами и принципами.

В-четвертых, ни в Конституции, ни на законодательном уровне не урегулирован вопрос о пересмотре госбюджета в случае пандемии, хотя и запрещение для такого пересмотра отсутствует. Серьезный недобор налоговых платежей способен создать «существенный дисбаланс между плановыми и фактическими результатами работы ФНС России, что может повлечь за собой серию ошибочных решений, если не будет системного взгляда на сложившуюся в экономике картину в целом» [5, с. 36]. С одной стороны, следует принимать меры по стабилизации бюджета и реже его пересматривать, с другой стороны, необходимы обоснованные «окна» для его пересмотра, и очевидным основанием для одного из них является ситуация пандемии, которую желательно четко урегулировать.

В-пятых, открытым является вопрос о воздействии изменений в финансовой системе на экономику страны, а соответственно и на ее экономическую конституцию. В частности в настоящее время сложно определить в полной мере эффективность мер, предпринимаемых Центральным банком России [10], в том числе по реструктуризации долга юридических лиц.

Дополнительной оценки требует их соответствие конституционным принципам в контексте и в сочетании с принятыми Правительством мерами.

В-шестых, как во время пандемии, так и после нее соотношение государственного регулирования и рыночного саморегулирования сильно меняется. В этой ситуации не приходится рассчитывать на самовосстановление экономики, поскольку в полной мере она может быть запущена только с помощью государственных мер.

Заключение.

Эффективность принятых мер и устанавливающих их актов по регулированию пандемии еще предстоит оценить после ее завершения. Сам по себе избранный подход является достаточно логичным, однако его конкретное воплощение может быть оценено только на основании серьезного экономического и юридического анализа после окончания пандемии. Уже первые уроки пандемии показывают, что необходима существенная ревизия правового регулирования с точки зрения регулирования сложной эпидемиологической обстановки для эпидемий и пандемий.

References

1. Боговская Е.А. Организационно-правовые механизмы оказания медицинской помощи лицам с заболеваниями, представляющими опасность для окружающих. Автореф. дисс. канд. мед. наук. – М., 2012. – 25 с.
2. Боговская Е.А., Сергеев Ю.Д. О правовом регулировании мероприятий по борьбе с эпидемиями (пандемиями) инфекционных заболеваний // Медицинское право. – 2010. – № 4. – С. 3-9.
3. Борисов Н. Чума и возвышение Москвы // Родина. – 2014. – № 5. – С. 61-64.
4. Еманов А.Г. Великая пандемия XIV в. как финал средневековой истории // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2013. – № 2. – С. 49-55.
5. Казанок Е.В. Проблемы оказания налоговых услуг, вызванные инфекцией COVID-19 // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Экономические науки. – 2020. – № 2 (24). – С. 34-37.
6. Ливи Баччи М. Демографическая история Европы. – СПб.: Александрия, 2010. – 310 с.
7. Поздеев П.С. Проблема исполнения обязательств предпринимателями в условиях COVID-19 // Эволюция российского права. Материалы XVIII Заочной международной научной конференции молодых ученых и студентов «Эволюция российского права». (Екатеринбург, 30 апреля 2020 г.). Сб. трудов. – Екатеринбург, 2020. – С. 98-99.

8. Супотницкий М.В. ВИЧ / СПИД- пандемия – проблема, требующая переосмысления. К 30-летию открытия вируса иммунодефицита человека // Актуальная инфектология. – 2014. – № 3 (4). – С. 80-98.

9. Супотницкий М.В. Предвидение Станислава Лема: что сказал и что не сказал великий писатель о СПИД/ ВИЧ-пандемии// Новости медицины и фармации. – 2013. – №16 (467). – С. 22-23.

10. Толмачева Ю.Ю. Чем обернется пандемия COVID-19 для банковской системы Российской Федерации // Сб. статей II межд. научно-практич. конференции «Экономический форум» (Пенза, 30 июня 2020 г.). Пенза, 2020. С. 116-119.

11. Фавье Ж. Столетняя война. – СПб.: Евразия, 2009. – 656 с.

12. Чучалин А.Г. Нам есть чем противостоять вирусным пандемиям // Медицинский совет. – 2011. – №5. – С. 5-6.

UDC 332.143

Demyanov V. G. State support of entrepreneurship in the Omsk region

Demyanov V. G.

candidate of science in economics

Associate Professor of the management, politics and law Department
Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

***Abstract.** In a market economy, entrepreneurial activity is exposed to various risks that reduce the efficiency of business entities. In some cases, the negative effects of entrepreneurial risks may lead to the closure of an entrepreneurial organization or individual entrepreneur. To develop measures to counter emerging risk situations, it is necessary to study the types of emerging risks and develop measures to counter risk situations and reduce the consequences of risks. According to official statistics, from 2016 to 2019, the number of small and medium-sized enterprises is reduced, which clearly shows that not all entrepreneurs can find measures to counter risk situations, which updates the study of entrepreneurial risks, their types, structure and degree of influence on entrepreneurial activity each individual business entity. Having understood and studied entrepreneurial risks, it is possible to develop measures to prevent the occurrence of risks and anticipate their consequences so that it is possible to develop an effective business strategy with minimal losses, both for entrepreneurs and consumers and the state.*

***Keywords:** entrepreneurship, risks, small and medium enterprises, anti-crisis measures.*

For 2017-2019 the share of the turnover of small enterprises in the turnover of enterprises of the Omsk region decreased by 4.7%, namely, in the share of the turnover of wholesale trade by 3.5%, in the share of retail trade by 8.2%. The share of the number of employees of small enterprises in the total number of employees of the Omsk region decreased by 0.8% in 2017-2018, while the contribution of small enterprises to investments increased by 0.5% and the share of small enterprises in the provision of paid services to the population increased.

An analysis of the state of small organizations according to continuous monitoring based on the results for 2017 allowed us to get a complete picture of the small business in the region at the present stage, the opportunities and conditions for its further development.

An assessment of the implementation of the accumulated labor and property potential of small businesses revealed the following trends in 2019 relative to 2018: there was an increase in small businesses in the Omsk region. Their number increased by 22.6 percent and reached 78.5 thousand units, of which 47.9 thousand were individual entrepreneurs and 30.6 thousand were small organizations. The number of registered individual entrepreneurs increased by 18.5 percent. The number of small organizations grew at a faster pace (by 29%). Based on 1 thousand people in the Omsk region, there were 16 small organizations.

The priority area of activity was the trade sector, in which about 35 percent of small organizations and more than 50 percent of individual entrepreneurs are concentrated. In addition, a

significant part of small organizations was engaged in construction (12.9%), operations with real estate (8.6%), and was engaged in manufacturing activities (8.5%).

The number of replaced jobs decreased slightly (by 1.0%) and amounted to 140.6 thousand units. Job cuts were due to microenterprises (by 2.6 thousand units). More than half of the employees of small organizations (51.6%) are concentrated in trade, construction organizations and manufacturing organizations. The average monthly accrued salary in this sector amounted to 22,978.9 rubles (22.8% lower than the average regional figure).

The volume of shipped goods of own production, works (services) increased by 18.8 percent and reached 161.8 billion rubles. The largest contribution to the formation of the indicator was made by the organizations of construction (22.4%) and manufacturing (22.0%). The share of food products (29.3%), rubber and plastic products (14.5%) and finished metal products (10.2%) dominated in the structure of shipped products from manufacturing industries.

In the industrial complex of the Omsk region, the contribution of small organizations to the volume of shipped products in 2019 amounted to 4.6 percent. Small organizations are fully provided with the release of: frozen fruits and vegetables, fish (live, fresh or chilled), mayonnaise, flax (prepared for spinning), non-woven materials, hosiery, tents, felted shoes, detergents and cosmetics, stationery or school supplies polymer, glass, ceramic tiles, concrete mixtures, boilers, pumps for pumping liquids, tractor mowers, woodworking machines, separators, furniture, jewelry, folk art Tweene crafts.

The structure of production of certain types of industrial products by categories of subjects of the Omsk region in 2019 (as a percentage of total production) is presented in table 2.

The share of small organizations) investing in technology development has increased (from 4.1% in 2018 to 5.1% in 2019). The total costs (capital and current) spent on technological innovation amounted to 110.1 million rubles, of which more than half (53.8%) - on the purchase of machinery and equipment related to technological innovation, and 26.4 percent - on research and development of new products, services and methods of their production.

The direction of activity of small organizations in the field of information technology and scientific activity has been developed. In total, there were about 700 small organizations successfully operating in this area in the region. More than half of them (56.9%) were engaged in the development of computer software, consulting and other related services, about 22 percent - in research and development, more than 20 percent were engaged in information technology. Of these, the smallest contribution to the economy was made by small organizations involved in the development of computer software. Their turnover reached 43.7 percent of the turnover of this type of activity in the whole region and corresponded to 1.8 billion rubles.

The small business sector made a significant contribution to the formation of retail turnover. Small organizations and individual entrepreneurs sold through the retail network of goods worth

163.9 billion rubles (99.2% compared to 2018), which exceeded 50 percent of the total retail turnover of the Omsk region.

The provision of paid services to the population has become increasingly common. Their volume increased by 27 percent and amounted to 30.8 billion rubles, of which household services - 7.8 billion rubles.

The volume of investments in fixed assets decreased by 26.2 percent and amounted to 3.6 billion rubles. The main share of investments was provided by agricultural organizations (30.3%), manufacturing organizations (17.5%) and trade organizations (14.3%). In the manufacturing sector, the bulk of the investment (over 40%) was directed to the development of food production.

The decrease in investment activity was influenced by the lack of financial resources. This reason, as one of the factors holding back the development, was noted by more than a quarter (26.1%) of the participants in the survey of business activity of small organizations conducted by Omsk stat in the fourth quarter of 2019. Financial ratios characterizing solvency and financial stability of small organizations were low and indicated a lack of working capital. The shortage of financial resources was not fully compensated by bank loans. The volume of loans issued to small and medium-sized enterprises again in 2019 decreased by 8.2 percent compared to 2017 and amounted to 36.6 billion rubles). The lending interest rate, despite the decline, remained high for entrepreneurs; this was indicated by 21.7 percent of the participant in the survey of business activity.

Analysis of financial results showed an increase in the efficiency of small organizations. At the end of 2018, they obtained a positive balanced financial result) in the amount of 18.0 billion rubles, which is almost double compared to 2018 (by 97.7%). The share of profitable organizations increased (82.6%). The profitability of sold goods, works, services in the whole region increased by 0.4 percentage points and corresponded to 5.8 percent.

Thus, in 2019. In the Omsk region, the number of small enterprises decreased, the number of their employees decreased, but at the same time, the turnover of small enterprises was growing.

The main goal of the program "Development of the economic potential of the Omsk region" is to create conditions for the economic development of the region. It consists of three subprograms: "Development of small and medium enterprises in the Omsk region" (hereinafter referred to as subprogram 1), "Economic development and state regulation of tariffs (prices)" (subprogram 2), "Development of the sphere of harvesting and processing of wild-growing raw materials in the Omsk region"(subprogramme 3).

The essence of the first subprogram is the development of entrepreneurship in the region, for which it is necessary to create harmonious conditions that allow business entities to compete adequately with each other, thereby increasing the share of taxes paid by them to the budget of the Omsk region. The essence of the second subprogram boils down to the fact that for the region's economic development, state intervention in price policy is necessary to ensure competitive growth

and, as a result, to improve the quality of life of the region's population. And thirdly, the creation of conditions necessary for the development of the sphere of procurement and processing of wild-growing raw materials contributes to the growth of rural population in the region, which the third subprogram is dedicated to.

Without entering into a discussion about the composition and structure of the state program, we will consider the dynamics of its financing on the basis of the available reports of the Ministry of Economy of the Omsk Region. During the study period, only two subprograms were financed. The reason for this phenomenon was the lack of budgetary funds necessary for the implementation of all planned activities and subprograms. Figure 2 shows a decrease in funding for the first subprogram, and at a faster pace than a decrease in funding for the second subprogram.

Small and medium-sized enterprises is one of the most important mechanisms contributing to the diversification of the regional economy, the growth of employment, the increase in prosperity and, as a consequence, the increase in the level of regional economic security. At the same time, there are known problems in the development of this sphere of economic activity, which is characterized by high risks of losses, lack of funds or property to secure loans, in general, difficulty in accessing financial resources, paying taxes, etc. For these reasons, the need for state (regional) support for small and medium-sized enterprises, development of infrastructure and the search for financial sources of such support is not in doubt.

The subprogram "Development of small and medium-sized enterprises in the Omsk region" includes four main events, the essence of which is as follows:

1) financial and credit support to small and medium-sized enterprises through the provision of various types of subsidies, grants, movable property, legal, accounting and other advisory services on a competitive basis (OM 1);

2) the development of infrastructure aimed at supporting small and medium-sized enterprises, namely the organizations that form this infrastructure, for example, the Omsk Entrepreneurship Support Center, etc. (OM 2);

3) support for small and medium-sized enterprises aimed at stimulating entrepreneurial initiative, which is expressed in organizational, personnel, information and methodological support and counseling (OM 3);

4) stimulation of the provision of small and medium-sized enterprises by the social services to the population in the field of education, culture, art, etc. (OM 4).

In the distribution of budget allocations allocated to fulfill expenditure obligations under the subprograms, the priority in financing is given to primary measure 1, literally: "Development of a system of financial and credit support for small and medium-sized enterprises", and main measure 2 - "The development of organizations that form the infrastructure to support small and medium enterprises." The smallest share of fulfillment of obligations falls on the difficult year for all 2015.

But in the future, the trend is improving, and now it can be said that expenditure obligations are fulfilled by almost 100%.

As you can see, a significant share of the main activities of the state program is made by the distribution of financial resources between their recipients on a competitive basis, and from the point of view of finances it is important to observe the correctness of the procedures for conducting tenders and reporting on the use of these funds. At the same time, the volume of expenditure commitments of the Omsk Region for the implementation of the main measure 1 for the period under review decreased very significantly: from 222.3 million rubles. In 2014 to 16.3 million rubles. In 2017, for the second main event, a slightly different dynamics of financing was observed - a decrease in the planned expenditure obligations from 157.2 million rubles. In 2014 to 59.2 million rubles. In 2016 and increasing funding in 2017 to 150.7 million rubles.

Financing of the state program is carried out "from the bottom up", that is, funds are allocated for specific activities, which together form the state program. Therefore, it would be logical to assess the next level of the state program "Development of the Economic Potential of the Omsk Region" - the level of measures. However, due to the limited scope of the publication, this is very difficult to do. But we can conclude: individual measures to ensure economic security should be integrated into government programs and assume the necessary financial resources for their implementation.

The development of small business is among the economic priorities of the region. Currently, the subprogram "Development of small and medium-sized businesses in the Omsk region" is being implemented in the Omsk region. It is implemented in the framework of the state program "Development of the Economic Potential of the Omsk Region" approved by the Decree of the Government of the Omsk Region No. 266-P dated 10/16/2013.

The subprogram is a basic system document that defines the goals and objectives of the regional policy in the field of SME development for the period from 2014 to 2021, fixed assets and the main ways to achieve them, identified in the analysis of the current state in this area, the main trends and main problems development.

Currently, the main barriers to the development of small and medium businesses in the Omsk Region are as follows:

- In the absence of start-up capital necessary for the organization of entrepreneurship;
- The limited availability of financial resources, due to the difficulty of small and medium-sized enterprises obtaining external financing and because of the high cost of bank loans;
- The low availability of space for business (office, retail, manufacturing);
- In administrative barriers in the course of entrepreneurial activity;
- limited access of SMEs to sales markets, in particular, external and regional, due to lesser opportunities for most SMEs compared with large enterprises;

- The lack of highly qualified, competent personnel from SMEs, in particular, conducting activities in the field of business management;

- The low level of development of mechanisms that contribute to the comprehensive support of novice entrepreneurs, and so on.

The activities of these subprograms provide for the implementation of the following important areas of support and development of SMEs:

- Development of social entrepreneurship;

- modernization of the production process during the development of equipment leasing, while compensating for some of the costs associated with the acquisition of production equipment;

- Development of guarantee fund activities for SMEs;

- assisting the development of novice entrepreneurs;

- providing support to enterprises forming the SME support infrastructure;

- providing support to SME entities conducting foreign trade activities by facilitating the activities of information and analytical centers, a coordination center for support of export-oriented SMEs;

- involving youth representatives in entrepreneurial activities, in particular, in the field of innovation.

The implementation of this subprogram will be characterized by complexity and consistency, designed for the long term, the program-targeted method will be applied, which will facilitate the coordination of the implementation of program activities by executors, resources, and deadlines.

With the implementation of these subprograms, the contribution of SMEs to the regional economy (to the economy of the Omsk region) is generally predicted.

The purpose of this subprogram is to create favorable conditions aimed at accelerated development of SMEs in order to create a competitive environment in the Omsk region, as well as to increase the share of taxes paid by these entities in the tax revenues of the consolidated budget of the Omsk region.

The goal of these subprograms is achieved through the following tasks set by the subprograms:

- increase the availability of financial and credit resources for SMEs, ensure the growth of labor productivity of small and medium-sized enterprises, increase the level of remuneration of workers of small and medium-sized enterprises and, as a result, increase the tax base and deductions to the consolidated budget of the Omsk Region (hereinafter - the Task 1);

- ensure the availability of infrastructure to support SMEs (hereinafter - Task 2);

- increase the availability of business education for SMEs, promote entrepreneurship (hereinafter - Task 3);

- to promote the development of social entrepreneurship, the growth of labor productivity of small and medium-sized enterprises engaged in socially responsible activities, the increase in the level of remuneration for workers of small and medium-sized enterprises engaged in socially responsible activities, and, as a result, the growth of the tax base and contributions to the consolidated budget of Omsk areas (hereinafter - Task 4).

The subprograms will be implemented during 2014-2021. The allocation of individual stages of implementation is not expected.

As part of the tasks of the subprogram, the following main activities are implemented:

1) in the framework of Task 1 - the main event "Implementation of the regional project" Enhancing access to small and medium-sized businesses to financial support, including preferential financing ", aimed at achieving the goals of the federal project" Enhancing access to small and medium-sized businesses to financial support , including preferential financing ";

2) In the framework of Task 2 - the main event "Implementation of the regional project" Acceleration of small and medium-sized enterprises ", aimed at achieving the goals of the federal project" Acceleration of small and medium-sized enterprises ";

3) in the framework of Task 3 - the main event "Implementation of the regional project" Promotion of Entrepreneurship ", aimed at achieving the goals of the federal project" Promotion of Entrepreneurship "(hereinafter - the main event No. 3).

To carry out the activities of the Subprogram "Development of small and medium-sized businesses in the Omsk region" in 2017, 116.6 million rubles were raised from the federal budget, 59.1 million rubles from the regional budget, which is 11.3 percent more than in previous year. Small organizations received financial support in the form of grants, subsidies, as a reimbursement of part of the cost of acquiring fixed assets.

In 2018 the amount of funding for this program amounted to 185.52 million rubles, which is shown in Figure 1.

From the data in Figure 1 it follows that in 2016 was the largest amount of funding for this program and amounted to 193.3 million rubles. in 2017. It decreased to 175.5 million rubles, and in 2018. Increased to 185.52 million rubles.

According to the data presented in Figure 2, it follows that most of the funding in 2018. It was aimed at providing subsidies in the form of a property contribution to the Omsk Regional Fund for the Support and Development of Small Business - 38.1 million rubles. - 21%, as well as the provision of support to SMEs in order to create and develop, modernize the production of goods and services - 26.4 million rubles. Or 14%, the provision of subsidies to SMEs for the reimbursement of part of leasing payments - 24.6 million rubles. Or 13%.

Let us evaluate the degree of achievement of the planned values of the expected results of the Subprogram “Development of small and medium-sized enterprises in the Omsk region” for 2016-2018.

The subject of further research may be the search for an answer to the question of how available funding is sufficient to implement the activities announced in the programs. And since the Omsk region belongs to the agro-industrial regions, from the point of view of financing measures to ensure economic security, the state program “Development of the industry of the Omsk region” is of interest, the task of which is to modernize the production base of enterprises, create new production complexes, including the construction industry, and improving the competitiveness of products manufactured by enterprises of the Omsk region.

Conclusions. The program-targeted method of budget formation is considered the most rational because of the possibility of linking goals and financial resources at any level. Planning budget expenditures in this way ensures the concentration of budget funds on solving priority tasks of the strategic development of territories, allows you to organize control, coordinate the actions of all participants in the process, helps to increase the efficiency and transparency of budget expenditures, and also strengthens the responsibility for their use.

The study of the state program “Development of the Economic Potential of the Omsk Region” showed that the risks of underfunding of measures to ensure the economic security of the region planned in state programs are unavoidable, which makes the task of finding extra budgetary funds for the implementation of state programs urgent. The observed underfunding cannot be called catastrophic in terms of the fulfillment of expenditure obligations. But how much the amount of funds allocated under the program budget is sufficient to achieve economic security and regional development - this issue requires a separate study. However, the analysis conducted suggests that, firstly, the period of minimum financing of state programs in 2015 has passed, and although the dynamics of funding volumes are non-linear (the maximum value does not fall on 2018, but on 2017), financial resources within the program budget of the region are available. And secondly, state (regional) programs are one of the main ways of financing measures to ensure the economic security of the region. For the Omsk region, this provision will take on a systemic character if there is a regional Economic Security Strategy, the provisions of which should be taken into account when forming investment, budgeting strategies and other strategic documents of regional significance. So, in general, it can be noted that the subprogram “Development of small and medium Entrepreneurship in the Omsk Region” is carried out efficiently.

References

- 1 Babich T.N. Forecasting and planning in market conditions: Textbook / T. N. Babich, I. A. Koziev, Yu. V. Vertakova. - M.: Infra-M, 2018. -- S. 34.
- 2 Porter M. Competition.: Per. from English - M.: Publishing house "WILLIAM", 2005. - 608 p.
- 3 Isaichenkova V.V. Ensuring the competitiveness of an industrial enterprise on the basis of a comprehensive analysis of activities // Leadership and management. - 2019. - Volume 6. - No. 3. - S. 177-188. - doi: 10.18334 / lim.6.3.40933.
- 4 D.S. Beloshitsky, O. Yu. Patlasov. TYPOLOGY OF ECONOMIC SECURITY // Omsk Humanitarian Academy. Human Science: Humanitarian Studies. No. 1 (39). 2020.P. 195-206 S. DOI 10.17238 / issn1998-5320.2020.39.195
- 5 ZUBAREV I.S. MANAGEMENT OF FINANCIAL AND NON-FINANCIAL INDICATORS OF THE ENTERPRISE // "ECONOMICS AND ENTREPRENEURSHIP", Number: 7 (120) - 2020. P. 1026-1029 eLIBRARY ID: 43078917 DOI: 10.34925 / EIP.2020.120.7.211
- 6 Kendyukh E.I., Tsapova O.A., Demyanov V.G. State regulation of the agrarian economy // Omsk Humanitarian Academy. Human Science: Humanitarian Studies. No. 2 (40). 2020.P. 147 - 152 DOI: 10.17238 / issn1998-5320.2020. 14.2.25
- 7 Gadetsky V.G. Features of marketing strategies to improve the competitiveness of industrial enterprises // Bulletin of the Gzhel State University. - 2018. - No. 3. - S. 11-19.
- 8 Isaeva E.V. Basic Internet marketing tools for industrial companies // Bulletin of the Omsk University. Series: Economics. - 2016. - No. 4. - S. 85-91.
- 9 Isaichenkova V.V., Novikova A.V. Digitalization as a tool to improve the efficiency of business processes // Modern Economy Success. - 2019. -- No. 3. - S. 141-144.
- 10 Kosmin A.D., Kuznetsova O.P., Kosmina E.A. Inflation from destination to definition (or about the thorny path to solving the Russian inflation riddle) // Russian Journal of Entrepreneurship. - 2019. - No. 2. - c. 471-492. - doi: 10-18334 / rp.20.2.39928.
- 11 Kosmin A.D., Kosmina E.A., Konovalov I.A. On the new functionality of the Russian consumer basket (or whether the consumer basket is affordable for the middle class) // Economics, Entrepreneurship and Law. - 2020. - Volume 10. - No. 7. - doi: 10.18334 / epp.10.7.110585.

SECTION 2. ECONOMICS, FINANCE & ACCOUNTING

UDC 338.232

Ivaschenko N.S. Types, stages and levels of corporate culture formation

Виды, этапы и уровни сформированности корпоративной культуры

Ivaschenko N.S.

Russian State University. A.N. Kosygin (Technology. Design. Art), Moscow

Иващенко Н.С.

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Москва

Abstract. In the article, the author considers the issue of the formation of corporate culture

Keywords: corporate culture

Аннотация. В статье автор рассматривает вопрос сформированности корпоративной культуры

Ключевые слова: корпоративная культура

Как любая другая культура, корпоративная культура выполняет общие для всех культур функции: функцию стимулирования творческого созидания, коммуникативную, интегративную, адаптивную функции, функцию социализации.

Одна из важнейших функций культуры – средство творческого созидания. То, что производит организация, какие услуги она оказывает во многом зависит, с одной стороны, от сформированной в ней культуры, с другой стороны, формирует культуру потребления как материальных, так и нематериальных благ в обществе. Клиентоориентированные организации создают товары и услуги, удовлетворяющие те или иные потребности. Организации, декларирующие в качестве своих корпоративных ценностей социальную ответственность, никогда не будут создавать продукцию, которая может навредить здоровью человека или обществу в целом, окружающей среде.

Коммуникативная функция - накапливает, хранит и передает информацию об организации, ее деятельности и ценностях в форме культурного наследия, формирует условия и средства корпоративного общения. Формы и способы коммуникации – важнейший фактор корпоративной культуры, способствующий взаимному пониманию и развитию, обеспечивающий рост и устойчивое развитие организации.

Интегративная функция - объединяет сотрудников благодаря коммуникации и наличию корпоративных ценностей. Формируется чувство принадлежности к организации, к которой они принадлежат. Сохранение культурного наследия, корпоративных традиций, исторической памяти создает связь между поколениями. Единство культуры – важное условие устойчивости

организации. Растет взаимодействие и взаимопонимание сотрудников. Внутрикорпоративные коммуникации сплетают различные культуры в одно целое. Интегративная функция культуры направлена на объединение сотрудников в рамках одной организации, на осознание корпоративного единства, на формирование корпоративной идентичности.

Адаптивная функция - обеспечивает приспособление человека к внутрикорпоративной среде. Соблюдение корпоративных традиций, норм поведения сокращает сроки адаптации сотрудника, позволяет ему легче приспособиться к новому коллективу и условиям труда.

Функция социализации - включает сотрудника в общественную жизнь организации, позволяет ему усвоить социальный опыт, знания и ценности, нормы поведения, соответствующие данной организации.

Помимо общих для всех культур функций корпоративная культура выполняет такие функции, как:

Маркетинговая - формирует стиль общения с клиентами и контактными аудиториями, обеспечивает клиентоориентированность компании, таким образом, является сродни коммуникативной функции и функции творческого созидания.

Управленческая - формирует правила управления.

Регулирующая - направляет на соблюдение правил сотрудниками при контактах с внешним миром, уменьшая тем самым риск нежелательных конфликтов.

Мотивационная - вдохновляет сотрудников на достижение поставленных целей.

Имиджевая - создает либо положительный, либо отрицательный образ компании, что влияет на лояльность клиентов и сотрудников.

Системообразующая - упорядочивает работу подразделений.

Помимо функций культуры выделяют различные ее уровни. К числу базовых уровней корпоративной культуры относят внешний, внутренний и скрытый уровни [1] (рис. 1 составлен автором статьи).

Э. Шейн, рассматривая организационную культуру определял эти уровни как артефакты (видимый уровень или офисная среда), поддерживаемые ценности (внутренний уровень или принципы работы и корпоративные ценности) и базовые предположения или принципы (скрытый уровень или верования и установки, воспринимаемые на подсознательном уровне) [2].

Ю. В. Бромлей выделяет уровни культуры по аналогии с Э. Шейном:

интериорное (внутренне присущее) состояние, выражающее непосредственно мир психических процессов человеческих индивидов, то, что определяется как скрытый уровень;

поведенческое состояние, когда культура объективируется в соответствующих действиях (аналогично внутреннему уровню),

состояние, когда явления культуры находят свою независимую от человеческого организма объективацию (или внешний уровень).

Т. Дил и А. Кеннеди рассматривают четыре уровня корпоративной культуры, в отличие от предыдущих авторов ориентируясь скорее на ее основные элементы, а не на ее зрелость: ценности, герои, обряды и ритуалы, структура общения (каналы неформального общения).

Рисунок 1. Уровни корпоративной культуры

Дэйв Логан, Джон Кинг и Хэли Фишер-Райт [3] выделили пять уровней корпоративной культуры от социальной отчужденности до уровня, когда ценности не просто разделяются всеми, а являются жизненным компасом, когда основной темой общения является не сравнение с конкурентами, а потенциальные возможности компании. Второй, третий и четвертый уровни являются переходными к пятому. Предпоследний четвертый уровень характеризуется существованием команд, сконцентрированных на достижении общих целей, построением взаимоотношений на ценностной основе. Высшим уровнем сформированности является пятый уровень, когда акцент делается не на «наших ценностях», как на четвертом уровне, а на резонансных.

Выделяют также индивидуальный, интраорганизационный и интерорганизационный уровни организационной культуры [4], т.е. индивидуальный, внутренний и внешний, а также: макроуровень (национальная культура), промежуточный (профессиональная культура), конкретно-ситуативный уровень [5].

И все-таки чаще всего, рассматривая уровни сформированности культуры, авторы выделяют высший, средний и низший уровни, однако данные характеристики являются весьма субъективными.

Анализируя вышеизложенные функции и уровни культуры, можно предложить следующие виды сформированности корпоративной культуры:

- формальная,
- деятельностная,
- интегративная.

Обозначенные виды культуры соответствуют определенному уровню и этапу ее формирования (табл. 1).

Таблица 1

Виды, этапы и уровни сформированности корпоративной культуры

Уровни	Вид КК	Этап сформированности
Низкий	формальная	зарождение
Средний	деятельностная	развитие
Высокий	интегративная	зрелость

Интерпретация уровней:

Низкий уровень сформированности КК свидетельствует о том, что руководство осознает необходимость и проявляет интерес к формированию КК. Может быть даже в организации разработаны некоторые стандарты и нормы поведения, но они еще не осознаны сотрудниками, в силу этого нарушаются. Декларируемые ценности носят слишком общий характер, широко формулируются и не всегда соответствуют практической деятельности компании. Данный вид культуры может быть определен как формальный, а этап формирования как зарождение.

Средний уровень сформированности КК демонстрирует этап активного развития ее элементов. Формируется чувство принадлежности к культурной общности. Данный этап квалифицируется поведением и реальными действиями, демонстрирующими корпоративные ценности, а тип культуры может быть определен как деятельностный.

Высокий уровень сформированности корпоративной культуры характерен для этапа ее зрелости. Если исходить из определения Эдгара Шейна, которое является наиболее популярным, то культура это совокупность базовых убеждений, формирующихся в процессе внутренней интеграции, а значит наиболее высокий уровень корпоративной культуры, ее зрелость проявляется в ее интегративном (объединительном) характере. На таком уровне в компании формируется корпоративный дух, про такие компании говорят, что культура витает в воздухе. Реализация декларируемых ценностей носит системный характер. Таким образом,

культуру в соответствии с высшим уровнем ее сформированности можно определить как интегративную.

Измерить корпоративную культуру означает определить:

- тип,
- этап или степень зрелости,
- степень интегрирования,
- силу.

Тип корпоративной культуры – это модель культуры, которой соответствует ряд определенных признаков, характеристик и черт, и которая проявляется в результате систематизации многочисленных проявлений в поведении сотрудников, стиле управления, выборе и приверженности корпоративным ценностям. Тип корпоративной культуры оказывает многостороннее влияние на деятельность организации. Это такие ее области, как отношение к конкуренции и к клиентам, разработка и реализация стратегии, психологический климат и эффективность деятельности организации, организационное обучение и система лидерства и т.д. [6].

Результатом сформированности корпоративной культуры является уровень ее силы. Сила корпоративной культуры в оказании ее влияния на поведение сотрудников.

Культура может быть ярко выраженной и слабой. В таблице 2 приведена сравнительная характеристика сильной и слабой корпоративной культуры.

Таблица 2

Характеристики сильной и слабой культуры

сильная	слабая
ясный и разделяемый всеми членами коллектива набор ценностей	расплывчатый и разделяемый не всеми членами коллектива набор ценностей
главные ценности постоянно поддерживаются	постоянная ротация мнений
соответствует окружающей среде	может быть в диссонансе с окружающей средой
слабо (трудно) поддается изменениям	достаточно подвижна в отношении организационных изменений
высокий уровень самоуправления, самоорганизации и самообучения	высокий уровень регламентации и инструктирования

Степень интегрирования корпоративной культуры - характеристика, описывающая степень ее проникновения в умы и поведение сотрудников организации и, как следствие, ее устойчивость в противостоянии иным тенденциям.

Чем выше приверженность разделяемым ценностям и уровень интеграции внутри коллектива, тем выше сила культуры. С другой стороны, чем выше сила корпоративной культуры, тем выше ее устойчивость в противостоянии другим культурным тенденциям. Таким образом, две эти характеристики близки, но не тождественны по смыслу.

Зрелость культуры – это определенная фаза ее развития, характеризующаяся окончательной сформированностью и полноценным выполнением всех основных функций культуры.

Для оценки уровня зрелости (сформированности) корпоративной культуры в организации в соответствии с предложенной выше классификацией ее видов предлагаются следующие показатели:

- полнота проработки элементов корпоративной культуры,
- степень интегрирования декларируемых ценностей,
- системность выполнения стандартов и норм поведения, соответствие деятельности и стратегии развития декларируемым ценностям.

References

1. Уланов К. Корпоративная культура в современном бизнесе: типы, уровни и лучшие примеры <http://kirulanov.com/korporativnaya-kultura-v-sovremennom-biznese/> Дата обращения 27.05.2020
2. Шейн Э. Х. Организационная культура и лидерство. Построение, эволюция, совершенство / Э. Х. Шейн. - пер. с англ. - СПб.: Питер, 2002. - 336 с.; ил. - (Теория и практика менеджмента).
3. Логан Д., Кинг Д., Фишер-Райт Х. Лидер и племя. Пять уровней корпоративной культуры. - Издательство: Манн, Иванов и Фербер, 2020 г.
4. Завалишин К.Э. Управление человеческими ресурсами: конспект лекций М.: Ритмик, 2014. - 105 с.
5. Семенов В.И. Корпоративная культура организации как социологическая категория // Вестник ИрГТУ. 2015. №5 (100). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-kultura-organizatsii-kak-sotsiologicheskaya-kategoriya> (дата обращения: 29.07.2020).
6. Иващенко Н.С. К вопросу об определении типа корпоративной культуры// Современные технологии в мировом научном пространстве: сборник статей Международной научно-практической конференции Ч.2 -Уфа: АЭТЕРНА, 2017. – 195с.- С.129-131.

UDC 33

Kalinskaya Y.S. Current trends in international credit relations in Russia.

Kalinskaya Yulia Sergeevna,

Financial University under the Government of the Russian Federation, postgraduate student

Abstract. In the article, the author examines the issue of modern trends in international credit relations in Russia.

Keywords: credit relations

The national financial system in the new geo-economic conditions sets new goals and objectives for the formation of an effective model of economic growth, contributing to a more rational use of financial resources, as well as a comprehensive modernization of the credit system that can withstand external challenges. The instability of the global economy, as well as the ongoing sanctions restrictions on Russia, justifies the need to strengthen integration ties, especially considering the following trends.

The current stage of international credit relations is characterized by an increase in macroeconomic threats to financial stability, an increase in external economic risks, and a complication of the geopolitical situation in the world economy. The global financial and credit markets are shaken by the forced downturn in business activity and growing worries about the outlook for the global economy. The International Monetary Fund predicts a 3% decline in the global economy [1]. At the same time, the situation in Russia is complicated by the state of the pricing environment for the main export goods. The Bank of Russia expects GDP to fall by 4-6% in 2020 with a possible recovery of 2.8-4.8% in 2021.

In addition to the difficult macroeconomic environment, there is also an imbalance in the global financial architecture, formed by the widespread attraction of borrowed resources using complex financial products in the form of debt instruments [2], as well as a mismatch between the rapid development of the financial sector and the lagging of the real sector, which is detrimental to the sustainable and stable growth of the global and national economies. In this regard, it becomes necessary to analyze the position of Russia in the international credit market, as well as to determine the main directions of foreign credit policy in order to increase the stability of the country's economy in the new geo-economic conditions, on the one hand, and on the other hand, to ensure the restoration and development of foreign economic activity of the Russian Federation.

First of all, it should be noted that foreign credit policy is understood as a set of measures aimed at regulating the movement of loan capital in the field of international economic relations,

associated with the provision of foreign exchange and commodity resources on terms of repayment, urgency and payment [3]. External credit policy is carried out both in the direction of external borrowing and in the direction of the accumulation of external debt claims.

The World Bank estimates that no other recession has hit the corporate sector as severely as Covid-19 to date. Companies around the world are facing an unprecedented drop in revenue and liquidity. In this regard, Russian companies began to gradually curtail foreign long-term projects, preferring investments in more liquid forms of external assets, and also partially used the repatriation of their capital. The corporate sector for the most part reoriented to the domestic market and began to rely on its own resources.

Accumulation of external debt claims of Russia for the period 2007-2019 occurs due to the maintenance of the level of international reserves by the Central Bank (with small expenditures during the global financial and economic crisis and the post-sanction period), as well as a 4-fold increase in assets by other sectors and almost 3-fold by the banking sector, even taking into account the effect of sanctions since 2014.

Short-term external credit assets include cash and foreign exchange in the other sector (35%), current accounts and deposits of the banking and other sectors (19% each) and trade loans and advances from the other sector (10%). It should be noted here that the share of interbank transactions to cover short-term liquidity is 25% at the end of 2019.

In terms of geographical distribution, the main volumes of external assets and borrowings fall on the developed countries of the West, including offshore companies and countries participating in offshore financial schemes - the Netherlands, Cyprus, Ireland, Switzerland, Luxembourg, Great Britain and others, representing intra-group transfers, as well as investment through SPVs located abroad in order to securitize assets and loans, diversify risks and ensure the safety of trade secrets. However, one cannot fail to note the emerging trend towards an increase in foreign assets and liabilities of Russia in relation to some countries of the Asia-Pacific and Middle East regions against the background of sanctions pressure from Western countries, the United States and some others.

From the point of view of the geopolitical ambitions of national capital in the international market, we see some discrepancy. Foreign assets and liabilities of the corporate sector, including banks, are concentrated to a greater extent in the markets of developed countries, which, taking into account geopolitical risks, seems contradictory and sub-optimal. In this regard, it is proposed to strengthen measures of state regulation in the direction of stimulating the diversification of assets in favor of developing trade directions, namely the APEC countries, BRICS and the EAEU.

In addition, we are currently witnessing the active development of financial technologies. The dynamic development of cross-border P2P consumer lending, P2P business lending, crowdfunding platforms requires special attention from the regulator. BSG analysts estimate that the digital lending market will reach a capacity of US \$ 30 billion by 2025. This must be taken into account

when developing a systematic approach to improving foreign credit policy, including by increasing the flexibility and adaptability of regulation.

Taking into account the identified problems and contradictions, the target setting of Russia's foreign credit policy should be focused primarily on ensuring the outstripping growth of the production rather than the financial sector of the economy to overcome the deformation of reproduction. Due to the fact that global challenges of a different nature are becoming a new norm for the world economy, it is necessary to take into account, on the one hand, the needs of the private sector and the geopolitical interests of the state, on the other hand, to develop a comprehensive foreign credit policy in the direction of both external borrowing and foreign credit assets.

References

1. World Economic Outlook, April 2020: The Great Lockdown. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/weo-april-2020>
2. Zvonova E.A. Fundamental'nye disbalansy v mirovoj finansovoj arhitekture / Zvonova E.A., Kuznecov A.V. // Rossijskij ekonomicheskij zhurnal, 2016. – № 4.-S.19-31.
3. Mezhdunarodnye valyutno-kreditnye otnosheniya: uchebnik dlya vuzov / pod red. L.N. Krasavinoj. – 4-e izd., pererab. i dop. – M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2015. - 543 s
4. Official website of Central Bank of Russian Federation. -: <http://www.cbr.ru/> (date of access: 20/07/2020)

SECTION 3. SOCIAL JUSTICE AND SOCIOLOGY

UDC 001.895+792.01+792.03+7.01+7.071.2

Fedorov A.A. Innovative elements of the theater's language in the materials of the performances by Evgeniy Bagrationovich Vakhtangov

Новаторские элементы языка театрального искусства в материалах спектаклей Евгения Багратионовича Вахтангова

Fedorov Alexey Aleksandrovich

Institute for Economics and Industrial Engineering of SB RAS

Фёдоров Алексей Александрович

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН

Abstract. *The creative work presented at the International intramural and extramural festival competition of youth theater companies – “Prometheus of a Rukha” – “Of Spirit” became a threshold of the present article, the devoted Year of theater in Russia and to the 100 anniversary from the date of the birth of the National poet of Bashkortostan, the playwright Mustaya Karim and gained the diploma of the Winner of the First degree.*

In the present work, as part of the creative path, the practice and theorist of the field of art of Evgeniy Bagrationovich Vakhtangov, the language of fantastic realism as the language of artistic theatre is studied. The starting point of the research is to establish the elements of the language of conditional theater based on scenographic, acting and directing decisions in Vakhtangov's performances. For this purpose, the author makes a retrospective appeal to the director's performances. In the analysis of the chosen performances, the artistic takes of the innovative instrumentation of the theatre language of Vakhtangov, which formed the director's own understanding of the artistic style of the theatre as fantastic realism, are extracted. Elements of the theatrical language of the most significant performances are considered: “Peace Holiday”, “Cricket on an oven”, “Eric XIV”, “Gadibuk” and “Princess Turandot”. Based on the sources in which the performances are described, the Vakhtangov theatre language (style) is analyzed. As a result, descriptive definitions of the concepts of Vakhtangov style and fantastic realism are given. Interfacing analysis with the basic provisions of the concept of fantastic realism, elements of the language of conditional theatre are combined into a single table, which is one of the main results of the work.

Keywords: *artistic truth, fantastic realism, conditional theatre, artistic reception, reincarnation, cutting, expression and grooming*

Аннотация. *Первоисточником данной статьи стала творческая работа, представленная на Международном очно-заочном фестивале-конкурсе молодёжных театральных коллективов – “Прометей рухы” – “Дух Прометей”, посвященном Году театра в России и 100-летию со дня рождения Народного поэта Башкортостана, драматурга Мустая Карима и получила диплом Лауреата Первой степени.*

В настоящей работе в рамках творческого пути практика и теоретика области театрального искусства Евгения Багратионовича Вахтангова, изучается язык фантастического реализма как язык художественного театра. Отправной точкой исследования является установление элементов языка условного театра на основе сценографических, актёрских и режиссёрских решений в спектаклях Вахтангова. Для этого автор осуществляет ретроспективное обращение к спектаклям режиссёра. При анализе выбранных спектаклей вычленяются художественные приёмы новаторского инструментария театрального языка Вахтангова, сформировавшие собственное понимание режиссером художественной стилистики театра как фантастического реализма. Рассматриваются элементы театрального языка наиболее значимых

спектаклей: “Праздника мира”, “Сверчка на печи”, “Эрика XIV”, “Гадибука” и “Принцессы Турандот”. На основе источников, в которых описаны спектакли, анализируется инновационность и новаторство вахтанговского театрального языка (стиля). В качестве результата приводятся описательные определения понятий вахтанговский стиль и фантастический реализм. Сопрягая анализ с основными положениями концепции фантастического реализма, элементы языка условного театра сводятся в единую таблицу, которая является одним из основных результатов работы.

Ключевые слова: художественная правда, фантастический реализм, условный театр, художественный приём, перевоплощение, остранение, экспрессия и гротеск

Работа подготовлена в рамках проекта XI.170.1.2. (0325-2017-0013), № AAAA-A17-117022250128-5.

Введение

Темой настоящей работы стало изучение творческого пути *Евгения Багратионовича Вахтангова* как *практика* и *теоретика* в области театрального искусства с его самостоятельным пониманием языка художественной стилистики театра как “*фантастического реализма*”. Данный термин, с одной стороны, явился выражением итоговых исканий Вахтангова, транслируя своей сутью *синергетический* эффект, на основе качеств Вахтангова как *педагога, актёра, режиссера, теоретика* и просто *личности*. С *другой* стороны, транслируя эффект *синкретический*, когда те же *педагогика, режиссура, актёрское мастерство* и *теория театра “живут”* одновременно в одном человеке, но уже не растворяясь друг в друге, и наделяя, как и в первом случае, результаты творческой деятельности индивида принципиально новыми *свойствами и качествами*.

Целью работы является вычленение *элементов языка условного театра* как **инновационных кодов**, формирующих такое театральное средство выражения как *фантастический реализм*. Для достижения цели ставится **задача выбора** в *релевантных источниках и последующего анализа* сценических, актёрских и режиссёрских решений в наиболее *значимых спектаклях* Вахтангова, выявление *художественных приёмов* его театральных постановок как инструментария *режиссёра-творца-новатора*, описательное определение характерного *вахтанговского стиля*.

Настоящая работа представляет **теоретическую значимость** для представителей *театральных профессий* и исследователей *теории театра*. С **практической точки зрения** будет полезно, на основе настоящей работы и работ [1-8, 10], обратиться к подходам Вахтангова по созданию *художественной правды*, воплощение которой есть одна из *перманентных* проблем театрального языка, связанная с разработкой *действенных* подходов её претворения в сценических видах искусства. Эта проблема комплексная и не решается в отрыве от *мастерства актёра*, даже при наличии множества *художественных приёмов*. Среди наиболее известных публикаций относительно творчества Вахтангова, а также касательно понятия *фантастического реализма*, представленные в библиографическом списке.

Анализ художественной ткани спектаклей как метод исследования

Для осуществления целенаправленного анализа, необходимо разложить *художественную ткань* спектаклей Вахтангова и выбрать только необходимое из её структуры, редуцировав некоторые элементы описания спектаклей, представляющие сопутствующий контекст, и к которым можно обратиться в работах [1, 4-8]. Такое редуцирование не влияет на раскрытие основной темы работы. Более того, невозможно достичь цели настоящей работы, не обратившись к “ядру” описания рассматриваемых спектаклей, к анализу *вахтанговского стиля*.

Результат анализа как основной результат работы представлен в сводной таблице 1, к которой следует сделать несколько комментариев. В этой таблице представлены элементы **языка условного театра**, как вклад в *концепцию фантастического реализма*. Важно отдавать себе отчёт в том, что, реализуя концепцию фантастического реализма, целесообразно выстраивать театральный язык так, чтобы задействовать все компоненты, формирующие такой язык: **(1) игру актёра, (2) сценическое решение, (3) работу со светом и звуком, (4) видение режиссёра**. Непосредственно, например, *игра актёра* зависит от таких компонентов как: **(5) сценическое движение, (6) сценическая речь, (7) индивидуальная психофизика актёра, (8) способ существования** на сцене. Этот список можно расширить, уходя в *детализацию* театральных профессий. В общем случае ряд вышеперечисленных пунктов можно отнести к неким “**параметрам**” спектакля, которые влияют на его художественную ткань.

Приведём названия анализируемых здесь спектаклей в контексте вахтанговского *новаторского* театального языка. Начальный шаг на пути к фантастическому реализму был сделан Вахтанговым в *Первой студии* в спектакле “**Праздник мира**” 15 октября 1913 года. Действие постановки касалось отношений в семье доктора Шольца, со всеми их психологическими оттенками. В “*Празднике мира*” содержался импульс дальнейшего движения по пути к *фантастическому реализму*. В следующем спектакле “**Сверчок на печи**”, по произведению Чарльза Диккенса, Вахтангов при постановке использовал понятие условности (см. табл. 1). Премьера спектакля состоялась 24-го ноября 1914 года. Премьера следующего спектакля “**Эрик XIV**”, шведского драматурга Юхана Августа Стриндберга, состоялась 29 марта 1921 года. Это пьеса о жизни и гибели сумасшедшего короля Эрика XIV. Далее, переходим к спектаклю “**Гадибук**”, поставленному по пьесе Семёна Акимовича Ан-ского, премьера которого состоялась 31 января 1922 года в еврейской студии “*Габима*”. В основе постановки “*Гадибука*” лежит хасидское предание о несчастной и трагической любви дочери местного богатея Леи и нищего студента Ханана. И, наконец, будем анализировать ещё один спектакль Вахтангова “**Принцесса Турандот**”. Его премьера состоялась 28 февраля 1922 года в *Третьей Студии* МХТ. Спектакль повествовал в фантастических событиях сказки о коварной красавице, подвергшей смертной казне женихов, не отгадавших три её загадки. [1, с. 355-356]

Таким образом, при анализе представленных выше спектаклей, в виде описательных словесных клише выбраны элементы театрального языка Вахтангова, помогающие реализовать концепцию *фантастического реализма* на основе *языка условного театра*. Эти элементы стали **новаторскими кодами вахтанговского стиля** и его **театрального языка**.

Мы анализируем спектакли и театральный язык с позиций школы *Станиславского*, которая изначально придерживается искренности сценического переживания в наибольшем психологическом приближении к *правде жизни* и *чувств*, и подразумевает раскрытие "*жизни человеческого духа*" на сцене. При наличии этико-эстетических принципов систему Станиславского можно позиционировать как систему *интелигентского психологического переживания*.

Таблица 1

Элементы театрального языка сценических, актёрских и режиссёрских решений спектаклей Вахтангова как вклад в концепцию фантастического реализма	
Спектакль	Сценические, актёрские и режиссёрские решения
1	2
Праздник мира	(1) Предельное творческое самообнажение актёров; (2) Натурализм, обострённый до гиперболы, психологизм, доведённый до иступления; (3) Провокация в актёре "буйного взлёта затаённых чувств", внезапного взрыва освобождённых и раскованных страстей; (4) Вахтангов открывает закон контраста; (5) Нарушение в постановке правил "хорошего тона"; (6) "Требование" душевного натурализма от всего многообразия человеческой души и переживаний. [2, с. 67-70]
Сверчок на печи	(1) Камерная сцена; (2) Зрительный зал совмещён со сценой (получалось так, будто актёры были почти в зрительном зале, а зрители – почти на сцене); (3) Психологический реализм и фантастичность; (4) Слияние на сцене реалистического и фантастического; (5) Органичное соседство реальных и условных предметов; (6) Наличие чтеца в спектакле (превращение действия в домашнее чтение у камина); (7) Наличие условностей – нарисованная дверь и очаг. [3, с. 27], [4, с. 82]
Эрик XIV	(1) Новые сценические формы для "старого" искусства переживания; (2) Театр сгущённой экспрессии и яркого пластического жеста; (3) Движение актёра имеет образную логику (вздёрнутая рука Эрика); (4) Молниеносность передаётся в декорациях, гримах, мизансценах, через возникновение изломов и стрел ("Стрелы в короне, стрелы на мече, стрелы на одеждах, на лицах, на стенах"); (5) Пластическая деталь (пластика условного театра) наикратчайшим путем доносит мысль художника до сердца и ума зрителя, служит средством выражения образного содержания. [2, с. 164, 201, 202]

Новаторство вахтанговского стиля и фантастический реализм

Как формировался **вахтанговский стиль**? Несколько моментов в совокупности объединились в единое целое и определили вахтанговский стиль и его театральный язык. Это, например, **открытая демонстрация игры, принцип остранения, новые принципы актёрской игры**. Последние были обусловлены эпохой и сменой общественных формаций, когда подвижная граница между *прошлым* и *настоящим*, *мертвым* и *живым*, *старым* и *новым* проходила внутри самого человека, перестраивая его *сознание* и *духовный мир*.

Продолжение таблицы 1

1	2
Гамбук	(1) Использование новых, необычных художественных приёмов с речью, танцем, гримом, светом, декорациями, костюмами, движением, психологизмом персонажей; (2) Наполнение художественного пространства в стилистике условности; (3) Демонстрация в постановке внутреннего духовного мира людей через шаманство и напряженность – вахтанговский максимализм; (4) Демонстрация действия в спектакле на грани катастрофы между духовным и материальным мирами; (5) Демонстрация незакованности жизни только в материальные формы и существования духовного мира со своими законами, влияющими на мир материальный. [2, с. 164, 201-202, 205, 206], [4, с. 4, 73-77]
Принцесса Турандот	(1) Наличие в постановке дерзости модерна и особой философии, где фантастическое обладает подчас ещё большей правдивостью, чем сама реальность; (2) Новая компонента игрового принципа – вскрытие в процессе игры актерского отношения к образу; (3) Возникновение театра Иронии (Ирония есть субъективное отношение режиссера... улыбка, брошенная на побежденный материал); (4) Особая “не боязнь” формы; (5) Темп спектакля как единый порыв, как мгновенная импровизация; (6) Основная декорация спектакля похожа на игрушечное строение, сложенное руками неразумного дитяти; (7) Характер игры актёров совершенно новый, непривычный: “То совсем настоящий, захватывающий тон, подлинное человеческое чувство, любовь, восторг, страдание, ужас, – то тонкая актёрская улыбка надо всем этим миром человеческих чувств”; (8) В спектакле выявляется природа актёрской души, “извечно двоящаяся между искренностью и позой, героизмом и озорством, действительностью и игрой и, наконец, между лицом и маской”; (9) Новизна “двойственности” существования актёров в спектакле; (10) Принцип поэтики спектакля – эскизность; (11) Один из мотивов спектакля – “детскость”; (12) Импровизационный тон спектакля задают актёры-маски; (13) Присутствует условность перевоплощения за счёт наличия актёров-масок на границе между сценой и залом, связывающих обе стороны – играющих и смотрящих – мир нафантазированный и мир реальный. Маски открыто общаются со зрителем, своевольно нарушая логику действия, как дети, ломающие установленный взрослыми порядок. Маски откликаются на возникшую в зале ситуацию, например, с напускной строгостью отчитывают опоздавших; (14) Используется пантомима; (15) Присутствует острота образов и нерв постановки; (16) Видна духовная и физическая борьба между жизнью и смертью – в героях, декорациях, художественных приёмах – всё существует “на грани”; (17) Убедительная художественная стилистика. [2, с. 217, 218-222, 224, 227], [4, с. 79]

Вахтангов как *художник и творец* чутко прислушивался к этим изменениям, и искал **новые средства выразительности**, что определяло *вахтанговский стиль* и делало вклад в понимание концепции *фантастического реализма*. Более того, эти средства были **инновационные** в классическом понимании инноваций, так как естественным образом и повсеместно стали использоваться в режиссёрской практике последующих лет. Говоря современным социально-экономическим и рациональным языком – они были **внедрены**.

Обобщение, выводы и анализ результатов

Искусство Вахтангова принадлежит к широкому стилевому течению, называемому *экспрессивно-реалистическим* в искусстве XX века. Это течение, характеризует *экстатичность, повышенная эмоциональность, гротескность*. *Экспрессивность* здесь возникает на основе определенного типа *образного мышления*, когда в произведении воссоздается реальная действительность, но изображение её *субъективно* и она деформирована эмоциональным восприятием художника. Посредством **условной образности** художник устанавливает внутреннюю связь между далекими друг от друга явлениями; осуществляет **многоассоциативное** поэтическое отвлечение от *прямых* значений и в формах, не похожих на формы *реальной* жизни, выражает суть самой этой жизни. Образное мышление художников

такого типа, как правило, *неожиданное, странное, порой фантастическое и алогичное*, что было характерно для натуры Вахтангова. [2, с. 200-201] Вахтангов использовал **гротеск**, как основной *художественный* приём изображения действительности: *трагический* в “Гадибуке” и “Эрике XIV”, *сатирический* в “Чуде святого Антония” и “Свадьбе” (эти спектакли мы здесь не анализировали), *эксцентрический* в “Принцессе Турандот”. Гротеск рождался из-за острого желания режиссера *вскрыть*, сделать зримой, чувственно осязаемой *глубинную суть* явлений. Гротеск был принципом воплощения *образов* и построения всего спектакля. Гротескными оказывались, придуманные режиссером, *лица и обстоятельства*, само *драматическое действие*, то есть самый *нерв* нафантазированной Вахтанговым театральной картины. [2, с. 202-204] Евгений Вахтангов, трактуя **модель** своего театра, выдвинул программное понятие **фантастического реализма**, обобщив его на последующую режиссёрскую практику. Фундаментом направления как **феномена** художественной культуры оказывалась *триада* слагаемых: **(1) идея преобразования мира, вытекающая из революционного мировоззрения, (2) опора на мифопоэтическое творчество, корнями уходящее в народную культуру, (3) синтез искусства, синкретизм формы, сплавливающей разные компоненты в органическую целостность.** [2, с. 231] Новое искусство доказывало, что духовное содержание может быть выражено на сцене и через *условные фигуры, символы, маски*, в образах *необычных, эксцентрических, парадоксальных*, то есть через **метафорический язык**, склонный к *заострению и преувеличению*, к *патетике, сатире, гротеску* [2, с. 232] Этот язык подчёркивал, что *театр* – не копия жизни, но особая действительность – *сверх-реальность, конденсация* реальности. [5, с. 15]

Большое внимание Вахтангов отводил, именно, сочинению **формы** спектакля, которую нельзя было взять прямо из жизни. Её надо было *сотворить и нафантазировать*. От формы требовалась *театральность*, то есть *острота* показа на сцене как *быта*, так и *духовных* категорий. Значимость и роль формы признавалась Вахтанговым и для актёрского искусства, когда исполнитель (актёр) не мог ограничиваться только психологической правдой и подлинностью переживания, а должен был найти *способ* игры, соответствующий *характеру* пьесы и ее *режиссёрскому* решению. [2, с. 232] Уточняя понятие системы Станиславского, Вахтангов, как и прежде, опирался на *психологизм*, но учитывал *жанр и стиль* произведения, авторские и режиссёрские *предлагаемые обстоятельства*, с корректировкой формы актёрской игры. [2, с. 233] Таким образом, сложился *вахтанговский вариант* системы Станиславского, который сохраняет исходный постулат Станиславского о *действенной* сценической задаче, и в интерпретации Вахтангова состоит из **трёх** элементов: **(1) действия (что я делаю), (2) цели и хотения (для чего я делаю) и (3) образа выполнения или “приспособления” (как я делаю).** Через *образ выполнения* актёрской задачи исполнитель передает и *стиль, и жанр* произведения, и режиссёрскую *форму* роли. Находит материальную оболочку, *пластику* образа, выявляющую и

“что”, и “ради чего”. Евгений Багратионович утверждал, что как ставить пьесу, зависит от того, **ЧТО** (литературный материал), **КОГДА** (время) и **КЕМ** (коллектив) ставится. Новое искусство действовало через *алогизм, синкопу, диссонанс*. [2, с. 233-234]

“*Говорящая*” вахтанговская форма – это главное завоевание нового искусства, которое Вахтангов назвал *фантастическим реализмом*. <<...Реализм, потому что чувства в нём подлинны, человеческая психология реальна. Фантастическими являются сами *условные сценические средства*. Актёр не должен натуралистически изображать персонаж. Он должен играть его, пользуясь всем арсеналом сценической выразительности.>>...<<Задача *фантастического реализма* – в любой постановке – найти театральную форму, гармонирующую с содержанием и подающуюся верными средствами>> [5, с. 16] В спектаклях *фантастического реализма* Вахтангов целенаправленно *углублял* человеческую натуру, придавал ей *многомерный объём*. В своих режиссёрских работах Вахтангов *безусловность* актерского существования соединял с откровенной сценической *условностью*, тем самым по-новому синтезировал *режиссёрские устремления* и *художественную ткань* своих постановок, реализуя немислимые *фантазии, преувеличения, странные метафоры* в художественности своих постановок. [2, с. 237-238]

Концепция *фантастического реализма* расширила представление о сценическом реализме, доказала не противостояние *театральной условности* и *жизненной правды*, подразумевая, что первая способна *выявить, усилить, обострить* вторую. Подход Вахтангова применим к произвольному драматическому материалу, при котором человеческие чувства *подлинны*, а средства выразительности *условны*. Вахтангов создал свой язык, как инструментарий театральных средств выражения, для описания своих режиссёрских устремлений, а его стиль и подход позволяет реализовать концепцию фантастического реализма.

References

1. Херсонский Х. Н. Вахтангов. – М., “Молодая гвардия”, 1963. – 360 с., с илл. 11 л. (“Жизнь замечательных людей”. Серия биографий. Вып. 11(367).
2. Смирнов-Несвицкий Ю. А. Евгений Вахтангов. – Л.: Искусство, 1987. – 248 с., 16 л. ил., портр. – (Жизнь в искусстве).
3. Соловьёва И. Первая студия. Второй МХТ: из практики театральных идей XX века. – М.: “Новое литературное обозрение”, 2016. – 672 с.
4. Спектакли двадцатого века. – М.: Изд-во “ГИТИС”, 2004. – 488 с., илл.
5. Пак Сан Ха Вахтангов и “Фантастический реализм” [Электронный ресурс] : автореф. дис. канд. искусствоведения : 17.00.01 / Сан Ха Пак. – М., 1997 // Электронная библиотека : библиотека диссертаций. – Электрон. дан. – Режим доступа :

<http://dlib.rsl.ru/viewer/01000333376#?page=1>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

6. Евгений Вахтангов: [Сборник / Сост. ред., авт. Комментар. Л. Д. Вендровская, Г. П. Каптерева; худож. В. Н. Михайлов]. – М.: Всерос. театр. о-во. 1984. – 571 с., ил.

7. Дубровская А. Л. Работа над сценическим образом в системе вахтанговской театральной школы [Электронный ресурс] : автореф. дис... канд. искусствоведения : 17.00.01 / Анна Леонардовна Дубровская. – М., 2010 // Электронная библиотека : библиотека диссертаций. – Электрон. дан. – Режим доступа : <http://dlib.rsl.ru/viewer/01004614851#?page=1>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

8. Щербаков В. А. Наследие итальянской комедии масок в исканиях русской режиссуры 1910-1920-х гг. Мейерхольд, Таиров, Вахтангов [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.01 / Вадим Анатольевич Щербаков. – М., 1992 // Электронная библиотека : библиотека диссертаций. – Электрон. дан. – Режим доступа : <http://dlib.rsl.ru/viewer/01000771272#?page=1>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

9. Вахтангов Е. Б. Записки, письма, статьи [Электронный ресурс] / Е. Б. Вахтангов ; сост. и коммент. Н. М. Вахтанговой, Л. Д. Вендровской, Б. Е. Захава. – М. Л. : Искусство, 1939 // Национальная библиотека. – Электрон. дан. – Режим доступа : http://нэб.рф/catalog/000199_000009_005184767/viewer/, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

10. Горчаков Н. Режиссёрские уроки Вахтангова -М.: “Искусство”, 1957.-239 с.

Scientific edition

**International Conference on Business Economics,
Management, Engineering Technology, Medical and Health
Sciences (USA, Morrisville)**

Conference Proceedings

July 30th, 2020

**Please address for questions and comments on the publications as well as
suggestions for cooperation to e-mail address mail@scipro.ru**

Edited according to the authors' original texts

Усл. печ. л. 2.5
Оформление электронного издания: НОО
Профессиональная наука, mail@scipro.ru

Lulu Press, Inc.
627 Davis Drive
Suite 300
Morrisville, NC 27560